

Статья посвящена анализу архитектуры центров народных промыслов как пространственного выражения характеристик места (*genius loci*). Рассматривается роль ремесленных практик в формировании локальной культурной идентичности и их влияние на архитектурные решения. На основе зарубежных и казахстанских кейсов показано, что центры народных промыслов могут выступать интеграционными моделями культуры, образования и экономики. Особое внимание уделено реализованным и проектным объектам в Казахстане, демонстрирующим потенциал контекстно-ориентированной архитектуры в устойчивом развитии территорий.

Ключевые слова: *genius loci*; локальная культура; народные промыслы; архитектура; культурная идентичность; устойчивое развитие. /

This article analyses the architecture of folk craft centres as a spatial expression of *genius loci*. It examines the role of craft practices in shaping local cultural identity and their influence on architectural decisions. Based on foreign and Kazakhstani case studies, it is shown that folk craft centers can serve as models for the integration of culture, education and the economy. Particular attention is paid to completed and planned projects in Kazakhstan that demonstrate the potential of context-oriented architecture in sustainable regional development.

Keywords: *genius loci*; local culture; folk crafts; architecture; cultural identity; sustainable development.

Центры народных промыслов как выражение духа местности / The centers of folk crafts as an expression of *genius loci*

текст

Улан Исмагулов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Сара Садыкова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Елена Хван

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Айбике Бокачёва

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

text

Ulan Ismagulov

L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sarah Sadykova

L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Yelena Khvan

L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Aibike Bokachyova

L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

На протяжении большей части XX века архитектура развивалась под влиянием интернациональных стилей, ориентированных на универсальные формальные и типологические решения. Модернизм, несмотря на свою прогрессивную роль в условиях индустриализации, во многом отрывал архитектуру от конкретного культурного и пространственного контекста. Это приводило к утрате локальных особенностей и формированию стандартизированной среды. В современной архитектурной теории данный процесс рассматривается как одна из причин «обезличивания» архитектурного пространства [1].

В начале XXI века в архитектуре обозначился устойчивый интерес к контекстно-ориентированному проектированию. В этом случае архитектура понимается как результат взаимодействия природных условий, исторического развития и культурных практик. Контекст рассматривается не только как физическое окружение, но и как способы использования пространства, закрепленные в культуре конкретного места. В таком понимании архитектура выступает связующим звеном между пространством и культурной идентичностью локального сообщества.

В современной архитектурной теории все большее внимание уделяется контекстно-ориентированным подходам к проектированию, в рамках которых архитектура рассматривается как результат взаимодействия пространственных, социально-культурных и исторических факторов. Понятие «контекста» интерпретируется не только как физическое окружение, но и как совокупность культурных, символических и поведенческих характеристик места.

Одним из ключевых теоретических инструментов, позволяющих осмыслить архитектуру в связи с конкретной территорией, является концепция *genius loci*, понимаемая как совокупность устойчивых характеристик места, формируемых природным ландшафтом, климатом, историческим развитием и культурной памятью [2]. Особое значение в осмыслении *genius loci* приобретают народные промыслы как форма нематериального культурного наследия, непосредственно связанная с территорией и традиционными способами хозяйственной деятельности. Ремесленные практики сохраняют устойчивые формы взаимодействия человека с материалом, ландшафтом и сообществом, что позволяет рассматривать их как важный источник формирования архитектурных

решений, укорененных в локальной культуре. В исследованиях подчеркивается, что ремесла также выступают ресурсом развития локальных сообществ и креативных индустрий [3].

В современной архитектурной теории отмечается, что утрата связи с *genius loci* является одной из ключевых проблем, особенно в условиях глобализации и распространения универсальных проектных решений [3]. В этой ситуации обращение к локальным культурам рассматривается не как возврат к архаике, а как способ формирования устойчивой архитектурной среды, связанной с конкретным местом. В российской архитектурной критике данная позиция также получила развитие: *genius loci* противопоставляется не только интернациональным стилям, но и абстрактному «духу времени» (*Zeitgeist*), не связанному с конкретной территорией [4].

Для Казахстана, характеризующегося разнообразием природных условий и культурных традиций, проблема формирования архитектуры, основанной на принципах *genius loci*, приобретает особую актуальность. Центры народных промыслов в данном контексте могут рассматриваться как пространственные модели локальной культуры, интегрирующие образовательные, производственные и экономические процессы.

Целью настоящей статьи является анализ архитектуры центров народных промыслов Казахстана как формы архитектурной интерпретации характеристик *genius loci*, а также выявление их потенциала в формировании устойчивых моделей развития локальных сообществ.

Народные промыслы как культурный код места

В современной архитектурной теории концепция *genius loci* рассматривается как один из ключевых инструментов анализа взаимосвязи пространства, культуры и идентичности. В отличие от формальных подходов к регионализму, ориентированных преимущественно на визуальные признаки традиционной архитектуры, *genius loci* интерпретируется как комплекс нематериальных и материальных характеристик места, формирующихся под воздействием природного ландшафта, исторического развития и социокультурных практик [5]. Такой подход позволяет рассматривать архитектуру не как изолированный объект, а как форму пространственного выражения культурных,

исторических и социальных характеристик территории, включая устойчивые культурные коды, сценарии использования пространства и особенности восприятия среды локальными сообществами.

Особую роль в формировании *genius loci* играют народные промыслы, рассматриваемые как устойчивые носители локально специфических культурных характеристик, воспроизводимых в практиках взаимодействия сообщества с территорией. Исследования в области нематериального культурного наследия подчеркивают, что традиционные ремесленные практики аккумулируют и транслируют знания о свойствах материалов, технологиях их обработки и особенностях природной среды, передаваемые из поколения в поколение и укорененные в конкретном месте [6]. В этом смысле ремесло выступает не только формой культурного выражения, но и способом пространственного освоения территории, проявляющимся в специфике размещения производственных процессов, использовании локальных ресурсов и формировании характерных типов пространственной организации среды, отражающих адаптацию сообщества к природным и климатическим условиям.

Систематические обзоры современных исследований показывают, что взаимосвязь концепции *genius loci*, вернакулярной архитектуры и ремесленных традиций формирует основу для контекстно-ориентированного проектирования, поскольку объединяет пространственные, культурные и практические аспекты взаимодействия человека с территорией. В данном контексте народные промыслы рассматриваются как элемент «живого наследия», т. е. совокупность воспроизводимых знаний и навыков, закрепленных в повседневной деятельности и обеспечивающих сохранение и актуализацию локальной идентичности в условиях современных трансформаций [5]. Такой подход принципиально отличает ремесленные практики от декоративной стилизации традиционных мотивов, поскольку в первом случае речь идет о сохранении функциональных, технологических и социальных оснований традиции, тогда как во втором – лишь о формальном воспроизведении ее внешних признаков без связи с реальными культурными и пространственными процессами.

Международные исследования в области сохранения нематериального культурного наследия подчеркивают, что ремесленные традиции выступают значимым фактором, связывающим культурные практики с процессами устойчивого развития локальных сообществ, поскольку они выполняют совокупность взаимосвязанных функций. В культурном измерении ремесла обеспечивают воспроизводство и передачу локальной идентичности и традиционных знаний, в экономическом – способствуют формированию устойчивых форм занятости и поддержке локальных хозяйственных систем, в социальном – укрепляют горизонтальные связи внутри сообществ и способствуют межпоколенческой трансляции опыта. В докладах Международного исследовательского центра по нематериальному культурному наследию (IRCI) указывается, что традиционные промыслы играют важную роль в формировании социальной сплоченности, развитии локальной экономики и поддержании идентичности, особенно в регионах с выраженной территориальной спецификой [7].

В данном контексте *genius loci* проявляется не только через физические характеристики среды, но и через социальные практики, закрепленные в ремесленной деятельности, которые обеспечивают укорененность культурных смыслов в повседневной жизни территории. Нормативно-культурное осмысление народных промыслов также закреплено в документах ЮНЕСКО, где нематериальное культурное наследие определяется как совокупность практик, знаний и навыков, признанных сообществами частью их культурной идентичности [8]. В рамках данного подхода народные промыслы рассматриваются не просто

как формы хозяйственной деятельности, а как значимый компонент культурной среды, формирующий локальную идентичность и связанный с конкретной территорией. Такой подход акцентирует внимание на процессуальном характере ремесла, его укорененности в повседневных практиках и неразрывной связи с пространственным контекстом, что имеет принципиальное значение для архитектурной интерпретации локальной культуры.

В российской архитектурной теории подчеркивается, что утрата связи с *genius loci* нередко приводит к формированию пространств, в которых ослаблена выраженность культурной идентичности и утрачены устойчивые символические и функциональные связи с контекстом территории. Анализ современных градостроительных и архитектурных практик показывает, что обращение к «духу места» предполагает не внешнее воспроизведение традиционных форм, а выявление и интерпретацию локальных характеристик, сформированных исторически сложившимися видами деятельности, включая народные промыслы [9]. В данном случае речь идет о таких характеристиках, как типы хозяйственного освоения территории, укорененные социальные практики и связанные с ними способы пространственной организации среды. Данный тезис особенно актуален для объектов, ориентированных на репрезентацию локальной культуры, где требуется не формальное цитирование традиции, а ее содержательная интерпретация.

Таким образом, народные промыслы рассматриваются как один из ключевых носителей характеристик *genius loci*, поскольку в них концентрируются устойчивые формы взаимодействия сообщества с территорией, закрепленные в традиционных видах деятельности. В этом смысле они формируют культурный код места, понимаемый как совокупность типичных форм деятельности, символических значений и способов освоения пространства, воспроизводимых в локальном контексте. Учет ремесленных практик в архитектурном проектировании позволяет использовать их как основу для формирования пространственных решений, в частности при организации функциональной структуры, выборе образных и материальных характеристик среды, а также сценариев ее использования. Осмысление ремесленных практик как пространственно значимого культурного феномена позволяет перейти от абстрактного понимания *genius loci* к его интерпретации через конкретные пространственные, функциональные и социальные характеристики среды.

Архитектура центров народных промыслов как пространственное выражение *genius loci*

Зачастую архитектуру трактуют как форму пространственной интерпретации контекста, включающего культурные, исторические и социальные параметры места. Контекстно-ориентированная архитектура формируется не столько через визуальное цитирование традиционных форм, сколько через выявление и интерпретацию устойчивых характеристик территории, определяющих ее идентичность. В этом смысле центры народных промыслов представляют собой показательный архитектурный тип, в котором дух местности может быть выражен через функциональную структуру, материальные решения и сценарии использования пространства.

Одним из показательных примеров интерпретации *genius loci* в архитектуре ремесленных центров является Деревня бамбуковых ремесленников (Чэнду, Китай) (рис. 1), сформированная на основе традиций бамбукового плетения, характерных для региона Сычуань.

Проект представляет собой не единичное здание, а комплекс пространств, включающий мастерские, выставочные зоны, общественные пространства и жилые структуры, интегрированные в существующую сельскую среду (рис. 2, 3). Архитектурное решение основано на использовании локальных материалов, прежде всего бамбука,

^ Рис. 1. Деревня бамбуковых ремесленников в Чэнду (КНР). Фото Бянь Лин. 2018

> Рис. 2. Деревня бамбуковых ремесленников в Чэнду. Схема функционального зонирования и пространственной структуры. Archi-Union Architects. 2018

> Рис. 3. Деревня бамбуковых ремесленников в Чэнду. Планы основных зданий комплекса, демонстрирующие типологическое разнообразие и функциональную структуру ремесленного центра. Archi-Union Architects. 2018

и традиционных приемов строительства, адаптированных к современным требованиям. Пространственная организация ориентирована на открытость и проницаемость: производственные и выставочные функции не изолированы, а связаны между собой и с общественными маршрутами, что позволяет посетителям наблюдать процесс ремесленного производства.

Исследования, посвященные трансформации «бамбуковой деревни» в Чэнду, подтверждают, что данный комплекс функционирует не как изолированный объект, а как элемент более широкой системы сельского развития и культурного туризма, в которой ремесленные практики интегрированы в современные экономические и социальные процессы [10].

Связь с локальной культурой проявляется не только в образных характеристиках, но и в функциональной структуре: ремесленная деятельность составляет основу организации пространства и повседневной жизни комплекса, включая производство, обучение и демонстрацию ремесла. В отличие от объектов, ограничивающихся декоративным воспроизведением традиционных форм, данный пример демонстрирует содержательную интеграцию ремесленных практик в архитектурную и пространственную организацию.

Архитектура «бамбуковой деревни» выступает не как стилизация, а как инфраструктура, обеспечивающая воспроизводство ремесленных практик и их адаптацию к современным условиям. Это позволяет рассматривать данный объект как пример интерпретации характеристик духа местности, проявляющихся через

организацию ремесленных процессов, использование локальных материалов и формирование пространственной структуры, связанной с традиционными видами деятельности.

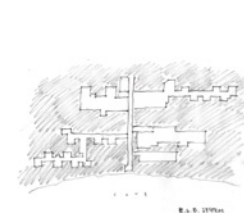
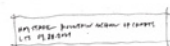
Школа ремесел Хейстак-Маунтин (Haystack Mountain, США) (рис. 4) представляет собой пример образовательного ремесленного центра, в котором архитектура кампуса играет ключевую роль в формировании профессионального сообщества. Комплекс расположен в природном ландшафте на побережье и включает ансамбль деревянных зданий, спроектированных Эдвардом Ларраби Барнсом.

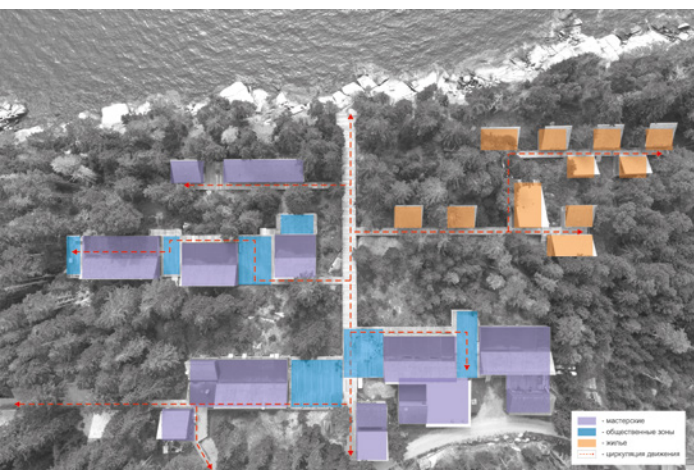
Архитектурное решение основано на адаптации к рельефу и ориентации на виды океана: здания размещены террасно и связаны системой открытых переходов, лестниц и площадок. В состав кампуса входят мастерские, жилые корпуса и общественные пространства, объединенные в единую пространственную структуру (рис. 5). Использование дерева как основного материала и простота конструктивных решений обеспечивают визуальную и тактильную связь с природной средой.

Особенностью проекта является то, что взаимодействие между обучением, проживанием и повседневной деятельностью организовано через пространственные связи: мастерские открыты к пешеходным маршрутам, а общественные пространства формируются как места пересечения потоков участников (рис. 6). Природное окружение при этом становится частью образовательного процесса, постоянно присутствуя в визуальном и физическом опыте пользователей.

v Рис. 4. Школа ремесел Хейстак-Маунтин (США). Пространственная структура кампуса, интегрированного в природный ландшафт. Архитектор Edward Larrabee Barnes. 1960-е годы

v Рис. 5. Схемы по материалам Школы ремесел Хейстак-Маунтин, демонстрирующие связь пространственной структуры кампуса с природной средой и ландшафтными характеристиками территории. 2021

^ Рис. 6. Школа ремесел Хейстак-Маунтин. Схема функционального зонирования и циркуляции. Выполнена авторами на основе материалов Haystack Mountain School of Crafts

^ Рис. 7. Ресурсный центр ремесел Хамир в регионе Катч (Индия). Публикуется с разрешения профессора Нилканта Чхая. 2019

Как отмечается в исследованиях, посвященных ремесленному образованию и архитектуре кампусов, подобная пространственная организация способствует формированию устойчивого профессионального сообщества, основанного на обмене опытом и совместной практике [11]. В данном примере характеристики *genius loci* проявляются через организацию взаимодействия между людьми, деятельностью и ландшафтом, формируя устойчивую пространственную модель ремесленного сообщества.

Ресурсный центр ремесел Хамир в регионе Катч (Индия) (рис. 7) представляет собой пример ремесленного комплекса, в котором архитектура формируется в тесной связи с природными условиями, локальными строительными традициями и структурой ремесленной деятельности. Центр расположен в аридной зоне и был создан в контексте восстановления региона после землетрясения 2001 года.

Комплекс включает мастерские, учебные пространства, зоны для демонстрации и реализации продукции, а также общественные площадки, объединенные в единую систему (рис. 8). Архитектурное решение основано на использовании местных материалов (глина, камень, дерево) и традиционных строительных техник, адаптированных к климатическим условиям региона. Здания имеют низкую этажность, компактные объемы и формируют полузакрытые дворовые пространства, обеспечивающие защиту от жары и ветра (рис. 9). Пространственная организация центра ориентирована на взаимодействие между участниками ремесленного процесса: производство, обучение и обмен опытом не разделены, а интегрированы

в повседневную деятельность. Важную роль играют переходные пространства – дворы, навесы, галереи, которые используются как места общения и совместной работы.

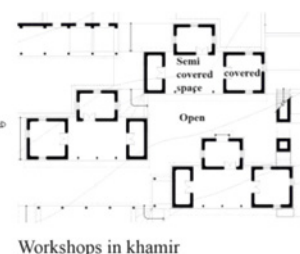
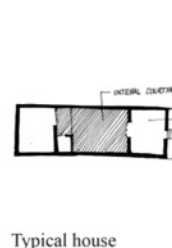
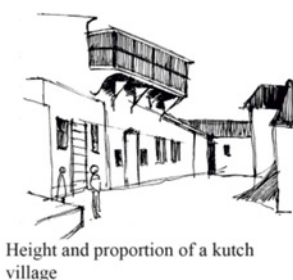
Проект Хамир демонстрирует подход, при котором новые здания опираются на устойчивые локальные типологии и социальные сценарии, адаптируясь к экологическим ограничениям региона [12]. В данном случае характеристики *genius loci* проявляются через согласование архитектурных решений с природной средой, традиционными способами строительства и организацией ремесленного труда. Это позволяет рассматривать центр Хамир не как стилизованный объект, а как пример инфраструктуры «живого наследия», в которой локальные знания и практики становятся основой устойчивого развития.

Сопоставление рассмотренных зарубежных примеров с теоретическими исследованиями архитектуры центров народных промыслов позволяет выявить общую закономерность: устойчивыми и культурно значимыми оказываются те объекты, в которых архитектурные решения формируются на основе ремесленных процессов и локального контекста, а не задаются извне универсальными типологическими схемами [13]. Аналогичный вывод подтверждается исследованиями, посвященными интерпретации культурного наследия в архитектуре, где подчеркивается необходимость перехода от стилизации к работе с функциональными, пространственными и социальными основаниями традиции [10].

Анализ представленных кейсов показывает, что архитектура центров народных промыслов может выступать

в Рис. 8. Ресурсный центр ремесел Хамир. Аналитическая схема функциональной структуры комплекса. Выполнено авторами на основе материалов проекта

в Рис. 9. Традиционная архитектура региона Катч и ее интерпретация в ремесленных пространствах центра Хамир. По материалам исследования

^ Рис. 10. «Город мастеров» в Туркестане (Казахстан). Вид с высоты птичьего полета. Министерство туризма и спорта. 2019

^ Рис. 11. «Город мастеров» в Туркестане. Аналитическая схема планировочной структуры комплекса. Выполнено автором на основе спутниковых данных – комплекса

как форма пространственного выражения *genius loci* при условии интеграции ремесленных практик, особенностей природной среды и локальных моделей взаимодействия. Выявленные принципы: ориентация на процессы ремесленного производства, использование локальных материалов и включение общественных сценариев – формируют основу для проектирования подобных объектов.

Полученные результаты создают методологическую базу для анализа и разработки центров народных промыслов в Казахстане, позволяя рассматривать их как элементы, объединяющие культурные, образовательные и экономические функции в структуре территории.

Архитектурные приемы репрезентации ремесленного процесса

Одной из ключевых особенностей архитектуры центров народных промыслов, ориентированных на выражение духа местности, является включение ремесленного процесса в структуру общественного пространства. В отличие от музейных форм экспонирования, где результат труда отделен от процесса его создания, современные ремесленные центры проектируются как среды, в которых производство становится видимой и неотъемлемой частью повседневной жизни. Такая организация способствует формированию устойчивой связи между архитектурой, локальной культурой и сообществом.

Одним из распространенных архитектурных приемов является визуальная и пространственная открытость мастерских. Использование открытых планировочных структур, остекленных перегородок, внутренних дворов и полупубличных производственных зон позволяет включить ремесленный процесс в маршрут посетителя. В результате формируется среда, в которой производство, обучение и общественные функции взаимосвязаны и не изолированы друг от друга, что соответствует пониманию *genius loci* как совокупности культурных практик, а не статичного образа места [10].

Другим важным приемом является пространственная последовательность, отражающая логику ремесленного труда. Архитектура центров нередко организуется как система взаимосвязанных пространств – от обучения и подготовки материала к производству, демонстрации и реализации изделий. Такая структура не только

функционально обоснована, но и позволяет архитектурно фиксировать сценарии ремесленной деятельности, делая их понятными и доступными для восприятия. Исследования, посвященные архитектуре нематериального культурного наследия, подчеркивают, что именно организация процесса является одним из ключевых факторов устойчивости подобных пространств [11].

Особое значение имеет включение ремесленного процесса в общественные и коммуникативные зоны. Площади, внутренние улицы, галереи и дворы становятся пространствами взаимодействия мастеров, учащихся и посетителей. За счет этого архитектура центров народных промыслов приобретает характер открытой социокультурной среды, а не замкнутого производственного комплекса. В российской архитектурной теории отмечается, что подобные решения позволяют таким объектам функционировать как общественные центры, интегрированные в жизнь территории [13].

Архитектурные приемы, направленные на включение и демонстрацию ремесленного процесса, не только обеспечивают его визуализацию, но и создают условия для его воспроизводства в повседневной практике, что является ключевым условием реализации *genius loci* в архитектуре.

Центры народных промыслов Казахстана как модель интеграции культуры, образования и экономики

В Казахстане в последние годы формируется тенденция к созданию центров народных промыслов нового типа, ориентированных на интеграцию культурных, образовательных и экономических функций. В отличие от традиционных домов ремесел, выполнявших преимущественно репрезентативную или музейную роль, современные объекты все чаще проектируются как учебно-производственные комплексы, направленные на развитие локальных сообществ и территорий [14].

Одним из наиболее показательных реализованных примеров является «Город мастеров» в Туркестане (рис. 10). Комплекс представляет собой систему взаимосвязанных пространств, включающую ремесленные мастерские, учебные помещения, выставочные и торговые зоны, объединенные в пешеходную среду. Застройка имеет фрагментированную структуру и формирует сеть внутренних

^ Рис. 12. Этнодеревня «Гунны» (Алматинская область, Казахстан). MyGuide Kazakhstan. 2022

^ Рис. 13. Этнодеревня «Гунны». Аналитическая схема планировочной организации. Выполнено автором на основе спутниковых данных

улиц и дворов, обеспечивающих непрерывное движение посетителей между различными функциями.

Пространственная организация ориентирована на демонстрацию ремесленного процесса: мастерские открыты, что позволяет наблюдать производство, обучение и реализацию изделий в рамках единого сценария (рис. 11). Это сближает объект с моделями, рассмотренными на зарубежных примерах, где ремесленная деятельность интегрирована в архитектурную структуру. Вместе с тем интерпретация характеристик *genius loci* осуществляется преимущественно через типологию общественных пространств и масштаб застройки, отсылающие к традиционной городской среде Туркестана. При этом степень вовлеченности реальных ремесленных практик и их влияние на формирование архитектурных решений требует дополнительного анализа, поскольку в ряде случаев подобные комплексы могут функционировать как туристически ориентированные пространства.

«Город мастеров» в Туркестане можно рассматривать как пример переходной модели, в которой предпринимается попытка интеграции ремесленного производства в архитектурную среду, однако баланс между подлинной ремесленной деятельностью и ее репрезентацией остается открытым вопросом.

Региональный уровень интеграции культуры и экономики демонстрирует кейс **этнодеревни «Гунны»** (рис. 12), в котором архитектура формируется как интерпретация традиционного кочевого и сельского уклада. В отличие от городского контекста Туркестана, данный объект ориентирован на ландшафтную и этнокультурную обусловленность пространства.

Архитектурная среда представляет собой ансамбль отдельных построек, размещенных в природном ландшафте и организованных по принципу свободной планировки. В состав комплекса входят мастерские, демонстрационные зоны, жилые элементы и объекты туристической инфраструктуры, объединенные системой пешеходных маршрутов (рис. 13). Пространственная организация ориентирована на создание среды, имитирующей традиционный образ жизни, с включением ремесленных и культурных практик в сценарии посещения. Ремесленная деятельность в данном случае интегрирована в туристический опыт: мастерские функционируют как пространства

демонстрации и взаимодействия с посетителями, обеспечивая связь между культурным наследием и экономикой территории. При этом архитектурные решения в большей степени направлены на создание образа традиционной среды, чем на формирование производственной инфраструктуры.

В сравнении с рассмотренными ранее примерами, где ремесленные процессы определяют пространственную структуру, в данном случае доминирует репрезентативный и туристический аспект. Это позволяет рассматривать этнодеревню как модель, в которой характеристики *genius loci* интерпретируются преимущественно через реконструкцию образа и сценариев традиционной жизни, а не через воспроизводство устойчивых ремесленных практик. Данный объект демонстрирует иной подход к работе с локальным контекстом, в котором акцент смещен с производственной и образовательной функции на культурно-туристическую репрезентацию.

В Казахстане формируется многоуровневая система центров народных промыслов, различающихся по масштабу, функциям и способам интеграции ремесленных практик в архитектурную среду. Одним из типов являются ремесленные кластеры, формируемые в рамках туристических программ при участии национальной компании Kazakh Tourism. Эти объекты характеризуются модульной архитектурной структурой, обеспечивающей гибкое размещение мастерских, учебных пространств и зон взаимодействия с посетителями. Подобная организация позволяет адаптировать архитектуру к различным региональным условиям и типам промыслов, однако в ряде случаев доминирующей становится туристическая функция, что влияет на степень включенности реального производства.

Городской уровень представлен проектами интеграции ремесленных функций в существующую культурно-производственную среду, в частности на территории «Казахфильма» в Алматы, рассматриваемой как потенциальная площадка формирования креативно-производственного кластера. В данном случае речь идет о создании гибридных пространств, объединяющих обучение, экспериментальное производство и предпринимательскую деятельность. Такой подход позволяет включить ремесло

Сравнительная характеристика архитектурных моделей центров народных промыслов

Пример	Тип модели	Пространственная структура	Интеграция ремесла	Характер среды	Интерпретация <i>genius loci</i>
Деревня бамбуковых ремесленников (Чэнду, КНР)	Кластерная	Рассредоточенная, связанная маршрутами	Полная (производство интегрировано в среду)	Жилая и производственная	Высокая (ремесло формирует структуру)
Школа ремесел Хей-стак-Маунтин (США)	Кампусная	Ансамбль в ландшафте	Полная (обучение и практика)	Образовательная	Высокая (пространство формирует сообщество)
Центр ремесел Хамир (Индия)	Дворово-кластерная	Система дворов	Полная (производство и обучение)	Локальная, климатическая	Высокая (основана на традиционных типологиях)
«Город мастеров» в Туркестане (Казахстан)	Квартальная	Замкнутый квартал	Частичная (ориентация на демонстрацию)	Туристическая	Средняя (пространство задает образ)
Этнодеревня «Гунны» (Казахстан)	Ландшафтная	Свободная, кластерная	Ограниченная (демонстрационная)	Этнокультурная, туристическая	Низкая (преобладает реконструкция образа)

в современный городской контекст, соотнося его с культурной и образовательной ролью Алматы.

Отдельную группу составляют проектные модели учебно-производственных центров ремесел, разрабатываемые в рамках научных и учебных исследований. Для них характерна четкая функциональная структура с интеграцией учебных мастерских, производственных зон и общественных пространств. В отличие от туристических моделей, такие проекты в большей степени ориентированы на воспроизводство ремесленных практик и формирование профессиональной среды.

Дополняющим типом являются региональные дома ремесел при музеях и этнокультурных комплексах, где архитектура ориентирована преимущественно на образовательную и просветительскую функцию. Несмотря на менее выраженную экономическую составляющую, данные объекты играют важную роль в сохранении и передаче ремесленных традиций, особенно в малых городах и сельских территориях.

Казахстанский опыт демонстрирует разнообразие моделей центров народных промыслов – от туристически ориентированных кластеров до образовательных и производственных структур. Наиболее реализованным примером интеграции культуры, образования и экономики при этом остается «Город мастеров» в Туркестане, тогда как ряд других моделей находится в стадии формирования или концептуальной проработки.

Выделенные на основе анализа зарубежных и казахстанских кейсов архитектурные модели центров народных промыслов различаются по характеру пространственной организации, степени интеграции ремесленных процессов и типу взаимодействия с контекстом. Для обобщения и сопоставления этих различий представлена таблица, в которой ключевые параметры рассмотрены в единой системе критериев.

Наиболее устойчивыми являются модели, в которых ремесленные процессы непосредственно формируют пространственную структуру и повседневную среду (кластерная, кампусная и дворово-кластерная модели). В этих случаях архитектура обеспечивает условия для производства, обучения и взаимодействия, а не только их демонстрацию. В то же время квартальная и ландшафтно-сценарная модели в большей степени ориентированы на репрезентацию и туристические сценарии, что снижает степень их связи с реальными ремесленными практиками и требует дополнительной проработки при проектировании.

Принципы архитектурного проектирования центров народных промыслов в контексте духа местности

Обобщение теоретических положений и анализа зарубежных и казахстанских кейсов позволяет сформулировать ряд принципов архитектурного проектирования центров

народных промыслов, ориентированных на выявление и пространственный учет характеристик *genius loci* в проектировании. Данные принципы носят методологический характер и могут использоваться как ориентиры при разработке контекстно-ориентированных архитектурных решений.

Контекстная обусловленность предполагает рассмотрение архитектуры как продолжения природного, культурного и исторического ландшафта. Это требует анализа климата, топографии, традиционных материалов и сценариев использования пространства, а не ограничивается визуальной адаптацией формы. На практике данный принцип реализуется через выбор масштаба застройки, планировочной структуры и материальных решений, соответствующих с локальной средой.

Интерпретация вместо стилизации является ключевым условием работы с традицией. Исследования в области архитектуры культурного наследия показывают, что буквальное воспроизведение традиционных форм приводит к утрате смысловой глубины [10]. В архитектуре центров народных промыслов обращение к *genius loci* должно выражаться через пространственную организацию, функциональную структуру и сценарии использования, а не через декоративные заимствования.

Пространственная открытость ремесленного процесса предполагает включение производства и обучения в общественную структуру здания. Открытые мастерские, визуальные связи и включенность ремесленного труда в маршруты посетителей способствуют передаче знаний и формированию устойчивых ремесленных практик [11]. В этом случае архитектура выступает медиатором между мастером и обществом.

Интеграция функций реализуется через объединение образовательных, производственных и экономических процессов в рамках единой пространственной системы. Как показывают исследования учебно-производственных центров, именно такая интеграция создает условия для устойчивого развития ремесленных сообществ и креативных индустрий [14].

Использование локальных ресурсов и принцип устойчивости связаны с применением местных материалов, традиционных технологий и адаптацией к климатическим условиям. Международные исследования подчеркивают, что устойчивость архитектуры, основанной на нематериальном наследии, достигается через обращение к локальным знаниям и практикам [11].

Адаптивность архитектурной среды предполагает возможность трансформации пространства без утраты связи с контекстом. Наиболее жизнеспособными оказываются те объекты, которые допускают изменение функций, форматов обучения и способов использования, сохраняя при этом базовые пространственные принципы [13].

Сформулированные принципы ориентированы на учет характеристик *genius loci* в архитектурном проектировании и их пространственную интерпретацию через планировочные, материальные и функциональные решения. Их применение позволяет формировать устойчивые и культурно укорененные пространства, интегрирующие ремесленные практики в современную архитектурную и социально-экономическую среду.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что архитектура центров народных промыслов формирует особый тип общественных пространств, в которых характеристики *genius loci* реализуются через осмысленную пространственную интерпретацию локальной культуры, а не через стилизацию традиционных мотивов. Народные промыслы в данном контексте выступают не только объектом сохранения нематериального наследия, но и фактором, определяющим архитектурную идентичность, влияющим на планировочную структуру, материальные решения и сценарии использования пространства.

Анализ зарубежных и казахстанских кейсов позволил выявить устойчивую закономерность: наиболее жизнеспособными являются те центры народных промыслов, в которых архитектура интегрирует культурные, образовательные и экономические функции в единую пространственную систему. Такая интеграция обеспечивает не только сохранение ремесленных традиций, но и их актуализацию в условиях современной экономики и развития креативных индустрий. В этом контексте архитектура выступает как медиатор между традицией и современностью, локальным сообществом и внешними социально-экономическими процессами.

Казахстанский опыт демонстрирует разнообразие архитектурных моделей центров народных промыслов – от городских ремесленных кварталов и туристических кластеров до региональных домов ремесел и учебно-производственных комплексов. При этом «Город мастеров» в Туркестане является наиболее реализованным примером интеграции культуры, образования и экономики, тогда как ряд других моделей находится в стадии формирования или концептуальной проработки. Сопоставление кейсов показывает, что обращение к *genius loci* позволяет избежать универсализации архитектурных решений и формировать пространства, укорененные в конкретном культурном и пространственном контексте.

Таким образом, архитектура центров народных промыслов представляет собой перспективное направление развития общественных и культурных пространств, способное одновременно решать задачи сохранения локальной идентичности и социально-экономического развития территорий. Полученные результаты могут быть использованы в архитектурной практике, образовательных программах и при разработке проектных и градостроительных решений, ориентированных на устойчивое развитие регионов Казахстана.

Литература

1. Yelken Kar, Z. E., Kutlay, E., Çalışkan, O. Revisiting critical regionalism from an urbanistic perspective: A generative typomorphology for contextual urban design // *Urban Design International*. – 2026. – Vol. 18. – Article 00302. – URL: <https://doi.org/10.1057/s41289-025-00302-6> (дата обращения: 18.03.2026).
2. Федотова, Н. Г. «Гений места» в структуре городской идентичности // *Культурология и искусствоведение*. – 2024. – № 66. – С. 85–93.
3. Wijaya, N., Tjundawan, A. G., Waiman, D., Gadju, N. C. From culture to virality: The social media effect on tourist destination in the Greater Jakarta area // *Journal of Architecture & Environment*. – 2025. – Vol. 24 (2). – P. 127–144. – URL: <https://iptek.its.ac.id/index.php/joae/article/download/22273/9425> (дата обращения: 18.03.2026).
4. Лидин, К. *Genius Loci и/или Zeitgeist?* // Проект Байкал. – 2023. – Т. 20, № 77. – С. 52–55. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2187
5. Cuckemane, V., Ramaraj, A., Umashankar, B. Exploring the nexus of genius loci, heritage and vernacular architecture: A systematic literature

review. *ITU A|Z: ITU // Journal of the Faculty of Architecture*. – 2025. – Vol. 22 (2). – P. 309–324. – URL: <https://doi.org/10.58278/0.2025.97> (дата обращения: 18.03.2026).

6. Ding, C., Ismail, N. A., Hussein, M. K., Hussain, N. A systematic review of the traditional handicrafts preservation toward sustainable intangible cultural heritage // *SAGE Open*. – 2025. – Vol. 15 (3). – P. 1–15. – URL: <https://doi.org/10.1177/21582440251337837> (дата обращения: 18.03.2026).
7. International Research Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region. *Intangible cultural heritage and sustainable communities in the Asia-Pacific region: Report of the research on ICH contributing to SDGs project (FY 2022–2024)*. – URL: https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2025/05/IRCI_Intangible-Cultural-Heritage-and-Sustainable-Communities-in-the-Asia-Pacific-Region.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
8. UNESCO. *Intangible cultural heritage lists*. – URL: <https://ich.unesco.org/en/lists> (дата обращения: 18.03.2026).
9. Лавров, Л. П., Молоткова, Е. Г., Суровенков, А. В. Градостроительные парадоксы «Genius loci» в историческом центре Санкт-Петербурга // *Academia. Архитектура и строительство*. – 2021. – № 1. – С. 85–91. – URL: <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-85-91> (дата обращения: 13.03.2026).
10. Hua, Y., Xu, Y., Lu, L., Kong, X. The evolution logic of glocalization in tourism destinations from a relational space perspective: A case study of Gulangyu Island, Xiamen // *Acta Geographica Sinica*. – 2026. – Vol. 81 (2). – P. 565–586. – URL: <https://doi.org/10.11821/dlxb202602015> (дата обращения: 15.03.2026).
11. Franco, J. T. Alana Van Derwerker Materials Related to Haystack Mountain School of Crafts. *Archives of American Art Journal*. – 2023. – Vol. 62 (2). – P. 88–90. – URL: <https://doi.org/10.1086/727631> (дата обращения: 18.03.2026).
12. Agarwal, A., Gujar, K. Permanence in Architecture: Indian Context and Time // *International Journal of Architecture and Urban Studies*. – 2018. – Vol. 3 (2). – P. 14–28 (Conference Paper, ARCHTHEO'17 DAKAM).
13. Вавулин, К. Е. Формирование архитектуры центров народных промыслов в контексте социально-культурной идентичности // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2025. – № 4 (73). – С. 177–191. – URL: <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-4-177-191> (дата обращения: 18.03.2026).
14. Arynov, K. K., Zhaksylykova, L., Chernysh, N., Chekayeva, R., Khvan, Y. A basis for creating educational and production centers and folk applied craft centers in the settlements of Kazakhstan // *ISVS e-Journal: Journal of the International Society for the Study of Vernacular Settlements*. – 2022. – Vol. 9 (5). – P. 291–302. – URL: https://isvshome.com/pdf/ISVS_9-5/ISVS_9.5.20_Aryonov.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

References

- Agarwal, A., & Gujar, K. (2018). Permanence in Architecture: Indian Context and Time. *International Journal of Architecture and Urban Studies*, 3(2), 14–28. (Conference Paper, ARCHTHEO'17 DAKAM).
- Arynov, K. K., Zhaksylykova, L., Chernysh, N., Chekayeva, R., & Khvan, Y. (2022). A basis for creating educational and production centers and folk applied craft centers in the settlements of Kazakhstan. *ISVS e-Journal: Journal of the International Society for the Study of Vernacular Settlements*, 9(5), 291–302. Retrieved March 18, 2026, from https://isvshome.com/pdf/ISVS_9-5/ISVS_9.5.20_Aryonov.pdf
- Cuckemane, V., Ramaraj, A., & Umashankar, B. (2025). Exploring the nexus of genius loci, heritage and vernacular architecture: A systematic literature review. *ITU A|Z. ITU Journal of the Faculty of Architecture*, 22(2), 309–324. <https://doi.org/10.58278/0.2025.97>
- Ding, C., Ismail, N. A., Hussein, M. K., & Hussain, N. (2025). A systematic review of the traditional handicrafts preservation toward sustainable intangible cultural heritage. *SAGE Open*, 15(3), 1–15. <https://doi.org/10.1177/21582440251337837>
- Fedotova, N. G. (2024). The genius of a place in urban identity structure. *Kulturologiya i iskusstvovedenie*, (66), 85–93.
- Franco, J. T. (2023). Alana Van Derwerker Materials Related to Haystack Mountain School of Crafts. *Archives of American Art Journal*, 62(2), 88–90. <https://doi.org/10.1086/727631>
- Hua, Y., Xu, Y., Lu, L., & Kong, X. (2026). The evolution logic of glocalization in tourism destinations from a relational space perspective: A case study of Gulangyu Island, Xiamen. *Acta Geographica Sinica*, 81(2), 565–586. <https://doi.org/10.11821/dlxb202602015>
- International Research Centre for Intangible Cultural Heritage in the Asia-Pacific Region. (2025). *Intangible cultural heritage and sustainable communities in the Asia-Pacific region: Report of the research on ICH contributing to SDGs project (FY 2022–2024)*. Retrieved March 18, 2026, from https://www.irci.jp/wp_files/wp-content/uploads/2025/05/IRCI_Intangible-Cultural-Heritage-and-Sustainable-Communities-in-the-Asia-Pacific-Region.pdf
- Lavrov, L. P., Molotkova, E. G., & Surovenkov, A. V. (2021). Urban Planning Paradoxes of “Genius Loci” in the Historical Center of Saint Petersburg. *Academia. Architecture and Construction*, (1), 85–91. <https://doi.org/10.22337/2077-9038-2021-1-85-91>
- Lidin, K. (2023). Genius Loci and/or Zeitgeist? *Project Baikal*, 20(77), 52–55. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2187>
- UNESCO. (2026). *Intangible cultural heritage lists*. Retrieved March 18, 2026, from <https://ich.unesco.org/en/lists>
- Vavulin, K. E. (2025). Formation of architecture of folk crafts centers in the context of socio-cultural identity. *Architecture and Modern Information Technologies*, 4(73), 177–191. <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2025-4-177-191>
- Wijaya, N., Tjundawan, A. G., Waiman, D., & Gadju, N. C. (2025). From culture to virality: The social media effect on tourist destination in the Greater Jakarta area. *Journal of Architecture & Environment*, 24(2), 127–144. Retrieved March 18, 2026, from <https://iptek.its.ac.id/index.php/joae/article/download/22273/9425>
- Yelken Kar, Z. E., Kutlay, E., & Çalışkan, O. (2026). Revisiting critical regionalism from an urbanistic perspective: A generative typomorphology for contextual urban design. *Urban Design International*, 18, Article 00302. <https://doi.org/10.1057/s41289-025-00302-6>